

Век. кн. 1995. - 17 янв. - С. 7.

Со ступеней издательств

Волшебные трансформации Нины Садур

В издательстве «Глагол» вышла первая книга прозы Нины Садур «Ведьмины слезки». И это странно, поскольку ее пьесы уже довольно давно ставят не только в России, но и во множестве всяких разных стран. Еще более странно то, что автор называет эти свои произведения прозой. Верно ли это?

НИНА САДУР
ВЕДЬМИНЫ СЛЕЗКИ

«...дети в школе, кошка ходит тихими лапами, ловит моль». С чего бы это в прозе взяться такой изощренной звукописи — в начале фразы «шипящей», а потом «льстиво-ласково-льнущей»? Или: «Как туча туша. Как час пик. Как щека мента. Как обиды на армию... Как полголубя на тротуаре. Как видеть, что бьют собаку. Как бьют ребенка. Как по телевизору — разыскиваются без вести. Как вести из детдома... Как плюнуть в кепку нищему. Как у нас презирать нацменьшинства. Как у них бояться их. Как не любить никого в мире. Как ждать лета, а сидеть в тюрьме». И это, что ли, проза? Даже учитывая, что всякая нормальная проза пронизана ритмом, этот ритм явно поэтический.

Ну а: «Адский завод ждал отца-рабочего грубо махать руками, колотить по железу, рвать рот криками»? На поверхностный взгляд, так писал Платонов. Однако его письмо — это медленное ощупывание философем знакомых предметов, отколушивание скорлупы обманчивой очевидности. А здесь — выхватывание из пламени страстей голыми руками интуитивных образов.

Прозаик так не надрыгает, речь прозаика овальна (но не эллиптическая). Прозаик, даже немилосердно подгоняющий читателя в гору, все равно позволит ему несколько раз остановиться и перевести дух, чтобы и самому передохнуть. Я имею в виду не гонку сюжета, а удельную (на 1 кв. см текста) насыщенность произведения авторской энергией, такую насыщенность, когда автор является донором, прямым — из вены в вену. «Проза» Нины Садур обладает такой насыщенностью, что на общем фоне форсировать какое-либо чувство или эмоцию просто невозможно — дальше некуда. Понятно, что все это можно писать, лишь находясь в экстазическом состоянии. Именно так пишутся стихи.

Наши критики и литературоведы, кстати, и составители аннотации к книге возводят во главу угла пристальность писательницы к безднам человеческой души, к мистическим сторонам бытия, к волшебным трансформациям и к прорывам в прозрение «обратной стороны Луны и Земли». Все это справедливо. Нина Николаевна в прошлом году даже «сjecha-

лась с Гоголем» и живет теперь рядом с памятником Николаю Васильевичу. Но все это вторичные признаки «прозы» Садур, вытекающие из ее художественного, извиняюсь за канцеляризм, метода.

Прорыв в эти запредельные сферы происходит как бы автоматически, от поэтической «остервенелости», с которой автор накидывается на тему. И тут начинается колдовство, волхование, угадывание сердцем сокровенного. Например, описывается обрушившаяся на рысь трагическая страсть к белому теплему молоку, которое доярка ежедневно носит по таежной тропинке. И автор настраивает себя на волну этой игры страстей, смерти, любовного вожделения. Настраивает до отождествления с происходящим, заполняет собой все заснеженное пространство, источает магию в каждом слове: «Топает Иванова, спешит в поселок, чтобы сдать молоко. А тварь остается одна в вечернем лесу, в прохладном родимом лесу тварь со своим алчным горем. Она корчится, тварь, не ведая, что стыдно ведет себя, тварь она, всю себя кусает, где может достать, гонит прочь от себя видение бабы, но что она может, маленькая кошечка, на которую упало такое? Она ползает по снегу, белый, пушистый живот остужая, мяучит и вьется, температурит, царапает воздух протяжными лапами. Ветки над тварью осыпают снежок как нарочно. А они просто так, это не знаки. Весь мир ясный. Одна тварь неясная. И у нее не проходит. Само никуда не девается. Терпеливо переждать не получается».

Ну а потом — перерезанное горло, теплое молоко на холодном снегу и почти ритуальные охотники... Все символы, знаки, архетипические демоны, втыкание булавок в фотографическое изображение...

О чем бы ни писала Садур, за всем стоят метафоры любви, материнства, красоты, играющей в прятки со смертью, в переодевание, метафоры рвущегося к звездам духа, срощенного с прижатыми к плоскости духами земли (таков, например, «дуэт» певички Ивановой и дворника Дырдыбая).

Что же касается пересказывания сюжетов двух романов, двух повестей и двух циклов рассказов, вошедших в книгу, то это дело неблагодарное. С таким же успехом можно пересказать, например, лермонтовского «Демона». Необходимо лишь отметить, что в так называемой «прозе» Нины Садур самым чудесным образом совмещены и «что», т.е. напряжение сюжета, и «как» — изысканное письмо, которое в нормальной литературе XX века занимает главенствующее положение по отношению к «плебейской занимательности».

По-видимому, этот синтез является наградой за искренность чувств, которые не смогли деформировать общение с миром отечественного театра.

Владимир ТУЧКОВ.

17